Философский журнал
2026. Т. 19. № 3. С. 35–45
УДК 141.144

The Philosophy Journal
2026, Vol. 19, No. 3, pp. 35–45
DOI 10.21146/2072-0726-2026-19-3-35-45

Ю.М. Коротченко

АНТИКОНСТРУКТИВИЗМ В РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ

Коротченко Юлия Михайловна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры религиоведения и философии культуры. Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского. Российская Федерация, 295007, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4; e-mail: yuliyakor03@gmail.com

В статье рассматривается антиконструктивистский потенциал русского экзистенциального персонализма, выделяется пронизанность экзистенциально-персоналистической интенцией учения Н.А. Бердяева, называвшего свою философию персоналистической и экзистенциальной. Русский экзистенциальный персонализм рассматривается как течение, исключающее релятивизацию духовно-нравственных ценностей, в то время как социальный конструктивизм Бергера–Лукмана содержит риски такой релятивизации. Эти риски обосновываются горизонтальной структурой социальной жизни, предлагаемой социальным конструктивизмом, социальная жизнь определяется как реальность жизненного мира индивидов и социальных групп. Эта реальность создается активностью сознания социальных субъектов в результате социальных взаимодействий, т.е. коммуникативно. Русская философская традиция, восходящая к философским идеям В.С. Соловьева о богочеловечестве и реальности высших духовно-нравственных ориентиров как реальности par excellence, говорит о богочеловеке в аспекте личностной стадии становления человека. Становление человека как личности – не биологическая и не коммуникативная данность, а комплексный процесс, преодолевающий изначальную трагичность подчинения человека обществу и объектность человека, выводящий человека в единственную подлинную реальность – реальность духа, морального изначально. Автор обосновывает актуальность обращения к наследию русского экзистенциального персонализма феноменами сегодняшнего дня, являющимися продуктами коммуникативных конвенций, не сообразующимися с этическими смыслами.

Ключевые слова: эссенциализм, антиэссенциализм, социальная реальность, социальный конструктивизм, антиконструктивизм, русский экзистенциальный персонализм

Для цитирования: *Коротченко Ю.М.* Антиконструктивизм в русской социальной философии // Философский журнал / Philosophy Journal. 2026. Т. 19. № 3. С. 35–45.

© Коротченко Ю.М., 2026

Введение

Появлением и дальнейшим развитием наук о человеке – от биологии до психологии и антропологии, с одной стороны, и историческими событиями, затрагивающими судьбы человечества, с другой, создается почва для переноса акцента социально-философского исследования на активность сознания, в которой человек воспроизводит и социум, и самого себя. В эти периоды утрачивают актуальность называемые эссенциалистскими трактовки общества как стадии разворачивания абсолютного духа или как доминированного экономическим базисом с объективными, от воли людей не зависящими материальными отношениями.

Человек становится интересен самому себе со стороны его возможностей жить в мире, созданном его волей и сознанием; актуальной становится тематика возможностей сознания влиять на устройство общества. Стало традиционным в качестве антипода эссенциализму рассматривать социальный конструктивизм. Эссенциализм в социальном знании подвергся критике Поппером в первом томе его знаменитого труда об открытом обществе и его врагах, где Поппер настаивает на утверждении программы методологического номинализма вместо тоталитаристского, по оценке Поппера, платоновского реализма в социальном знании. Если последний отвечает на вопрос «Что есть некоторая вещь?», то методологический номинализм сосредотачивается на вопросе «Как вещь себя ведет?»[1]. Так социальный конструктивизм был отчасти предвосхищен в качестве антиэссенциализма в области методологии научного знания в целом и социального в частности.

Конструктивизм видит общество как сконструированную сознаниями разных субъектов реальность – пространство многих реальностей, располагаемых не иерархично, горизонтально. Это выводит социально-философское исследование из зоны тоталитаристских рисков. Однако возникают риски иного рода. Замкнутость общества на внутреннее смысловое разнообразие как самоценное становится основанием истинностного и ценностного релятивизма. Реально только то, что я вместе с теми, с кем я смог об этом договориться, *осмысляю как единственно реальное*. Тогда относительными становятся различия по своей сущности абсолютные: гендерные (легитимация стирания межгендерных различий), истинностные (феномен фейк ньюс, эпоха постправды), этические. Может быть релятивизировано понимание событий истории, множественные случаи пересмотра которой с далеко идущими разрушительными последствиями для жизни людей и государств мы наблюдаем сегодня; могут стираться границы между истиной и ложью в сфере мировой политики; наконец, в условиях, когда сознание не ограничено в своем конструктивизме, возникает риск девальвации этических ориентиров. Доведенная до абсолюта антиэссенциалистская установка нивелирует качественную определенность предмета осмысления, становится неважным (несущественным), чем этот предмет является вне его осмысления субъектом. Тогда предмету осознавания можно приписать какие угодно значения. Сегодня конструирование реальностей, не ограниченное ничем, кроме прагматических целей, среди которых может оказаться разрушение и отдельных социальных институтов, и целых государств, осуществляется на базе

[1] См., в частности: *Popper K.R.* The Open Society and Its Enemies. Vol. 1: The Spell of Plato. London, 1945. P. 25–28.

деконструирования их смыслообразующих структур. Примером может послужить ставшее интернет-мемом слово «победобесие», содержащее уничижительную коннотацию в адрес победы СССР в Великой Отечественной войне, героев этой войны и их подвигов. Резонансно он начал звучать на фоне Евромайдана в 2013 г. и последующих событий госпереворота на Украине, Крымской весны, начала войны на Донбассе в 2014 г. и масштабного празднования в России 70-летия Победы над Германией в Великой Отечественной войне в 2015 г. В 2015 г. создается видеоролик «Победобесие», в 2016 г. возникает хэштег с этим словом, в 2018 г. запускается сайт с таким названием, в 2019 г. наблюдается «устойчивое использование термина «победобесие» в масс-медиа»[2]. В социальных СМИ, аккаунтах СМИ, в разного рода цифровых сообществах с 2014 по 2020 г. было 256 тыс. пользователей, опубликовано 537 290[3] сообщений с этим словом, оригинальными были только 37%[4]; с 2017 г. наблюдался рост числа российских авторов, достигший к 2020 г. более 50%[5]. К 2019 г. число сообщений с данным словом возрастает на 94%[6] по сравнению с 2015 г., а к 2020 г. (75-летие Победы) импорт термина в российский сегмент интенсифицируется (авторов сообщений с ним на 10 000[7] больше, чем в 2019 г.). В цифровой среде сегодня сконструирована реальность, в которой не было Великой Отечественной войны, а была только Вторая мировая, дата победы в Великой Отечественной войне заменена на 8 мая, 8 мая с 2023 г. обозначается как День памяти и победы над нацизмом во Второй мировой войне 1939–1945 гг., а герои и враги из прежней конструкции частично поменялись местами. На Украине наблюдается скрепление новой конструкции правовыми нормами: переименовываются города и улицы, преображается городская скульптура (снос или изменение внешнего вида памятников), вводятся запреты на мероприятия, символику, риторику и художественное творчество с конвенциями, не соответствующими правилам обозначения в легитимной конструкции, конструируется новый сектор праздничной культуры и новый исторический календарь. Все становится относительным, аксиологически индифферентным и потому заменяемым, т.к. все есть не более, чем конструкция, к тому же цифровая. При этом аксиологическая индифферентность проявляется именно в факте замены. Однако она становится фактом новой социальной реальности, лежащим в основании мотива социальных действий людей, разделяющих конвенции этой конструкции.

Актуализируется проблема критерия реальности самой конструкции, требующая наличия некоего сверх-, содержащего критерии подлинности и границ автономности сознания, но социальный конструктивизм выстраивает горизонтальную реальность. Эссенциализм предлагает в качестве реального par excellence считать набор свойств предмета мысли, определяющих его качественную специфику, не зависящую от субъекта мышления. Чистая объективность в обществе – слишком жесткая абстракция как раз относительно существенного для последнего. Конструктивизм снимает проблему

---

2 *Курицын А.Н., Лемэр Л.Г., Ашманов И.С., Гребенюк А.А.* Великая Отечественная война. Фальсификация истории, манипуляции в социальных медиа. М., 2020. С. 17.

3 Там же. С. 14.

4 Там же. С. 15.

5 Там же.

6 Там же.

7 Там же.

выбора реальности, и общество становится продуктом социальной инженерии. Тогда возникает вопрос о том, как, сохраняя антитоталитарность и обращенность к субъекту, избежать рисков выхолащивания смыслового стержня истории, общества и жизни человека. И в этой связи сегодня более чем просто уместно обращение к выработанной в русской философии Серебряного века теории личности – русскому экзистенциальному персонализму. Помимо чисто методологического аспекта, в котором проявляется антитетичность русского экзистенциального персонализма экстрасубъективистским теориям общественного развития, в этом учении о личности как творце себя определяется собственно философский фундамент духовно нравственного начала отечественной культуры, исключающий главенство интересов и прав отдельных людей или социального класса над всем обществом и преодолевающий внеличностный, содержащий риски смысловой девальвации характер сложившегося в западной философской традиции социального конструктивизма.

Антиконструктивистская интенция русского экзистенциального персонализма

Обыденное мышление и жизненный мир становятся базовыми категориями социального конструктивизма подхода Бергера и Лукмана, восходящего к феноменологии Гуссерля и Щюца. Задается антиэссенциалистский вектор, определивший фокус рефлексии на повседневной жизни как реальности par exellence: в ней напряженность сознания максимальная, она держит его в состоянии бодрствования, она есть в качестве проинтерпретированной, воспринятой и переживаемой людьми как естественной. Именно эта высокая напряженность сознания становится основанием для признания реальности повседневной жизни высшей из всего множества реальностей, в которых живет и которые конструирует человек.

Социальный конструктивизм уделяет большое внимание сигнификационным процессам[8]. Подчеркивается, что совместная причастность к накопленному и создаваемому объективированному запасу знания непрерывно влияет на интерсубъективные взаимодействия в повседневной жизни людей. Так социальный конструктивизм оказывается погруженным в коммуникативную парадигму социального знания. Преодолевая абстрактность монизма классических социальных учений, социальный конструктивизм изучает общество как сложный конгломерат субъективного и объективного. Эта трактовка общества становится альфой и омегой социального конструктивизма как антиэссенциализма в неклассической социальной теории, как если бы в истории философии не было иного, не коммуникативистского, контраргумента экстрасубъектной методологии в изучении общества. Конструктивизм второй половины XX в. с опорой на социальную феноменологию не выходит из традиционной гносеологической оппозиции субъект-объектных отношений, хотя и преодолевает их линейность. Социальные объекты – интерсубъективно освоенные значения, факты и события опыта сознания, но это объективированные результаты активности сознаний

[8] См., в частности: *Berger P.L., Luckman T.* The Social Construction of Reality. London, 1991. P. 49–61.

взаимодействующих субъектов. Социальных реальностей может быть много, критерий реальности – быть продуктом сознания субъекта. Никакого внешнего критерия не признается, кроме сообразности значений объектов этой реальности прагматическим интересам, определяющим структуру жизненного мира. Хотя объективация вплетена в связанные друг с другом процессы экстернализации/интернализации, язык описания этих взаимосвязей создается в субъект-объектной терминологии, и субъект парадоксально оказывается вторичным по отношению к социально-смысловой конструкции.

В значительно предшествующем конструктивизму Бергера – Лукмана социальном учении, возникшем в период Серебряного века в русской философии, гносеологическое отношение трактуется как убивающее саму возможность созидающей деятельности человека. Постулируется изначальная конфликтность отношения «человек – общество», преодолеваемая личностным опытом человека, выходящего в надындивидуальную (внеобыденную) реальность нравственного идеала, устремленность к которому должна лежать в основе социального строительства. Фокус рефлексии – реальность, выходящая за пределы обыденной жизни. Соответственно, утверждается субъект необыденного мышления. Человек, ищущий смысл и цель, а не средства существования, в своей необыденной жизни становится таким субъектом при устремлении к этой реальности. Субъекты, утвержденные социальным конструктивизмом и русским экзистенциальным персонализмом, разнятся, как разнятся и миры, конструируемые/творимые ими. Поглощенность социального знания философскими открытиями в коммуникативной парадигме во второй половине XX века, прерывистость – и методологическая, и теоретико-содержательная – историко-философского процесса в отечественном философском пространстве, внезапно наступившая в нач. 90-х гг. XX в. и имеющая место в наши дни доступность обилия текстов западных философов и социологов в профессиональных переводах на русский язык, – эти факторы на некоторое время деактуализировали обращение к домарксистской русской философской традиции именно в ее социальном измерении. Частота употребления слов «бог» и «вера» в текстах русских мыслителей философского Серебряного века обусловила закрепление за русской философией этого времени предикат «религиозная». Здесь важно учитывать содержание понятий религиозности и веры в их аутентичности для русских философов. В.С. Соловьев в «Чтениях о богочеловечестве» говорит о религии как о том, что «есть связь человека и мира с безусловным началом и средоточием всего существующего»[9]. Н.А. Бердяев в работе «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (впервые издана в Париже в 1934 г.) подчеркивает: «Под верой же мы разумеем раскрытие сознания для иных миров, для смысла бытия»[10].

Иные миры в конструктивизме определяются как некие анклавы жизненного мира, и это, например, искусство и религия, откуда «сознание всегда возвращается к первостепенной для себя реальности (непосредственного жизненного мира. – *Ю.К.*), как из экскурсии… Эстетический и религиозный опыт богат переходами такого рода, т.к. искусство и религия относятся

---

[9] *Соловьев В.С.* Чтения о богочеловечестве // *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 5.

[10] *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. М., 2011. С. 12.

к конечным периферическим областям значений»[11] (перевод с английского мой. – *Ю.К.*). Иные миры в экзистенциальном персонализме – хранилища смысла человеческого существования, духовное, а не чисто интеллектуальное осознавание которого есть задача и философии, и личного жизненного пути человека, вечное устремление, цель истории человечества. Идея осмысленности истории, всеобщности ее цели и смысла, прогрессистское устремление в высшую реальность вечного духовного начала и сотворение себя в своем персональном существовании как богочеловека восходит к философскому учению В.С. Соловьева. Идеи Соловьева были глубоко восприняты русскими философами Серебряного века. Восходящее к работам Соловьева «Чтения о богочеловечестве», «Философские начала цельного знания» и ряду других учение о личности, экзистенциальной трагичности жизни человека, смысле существования человека, прерогативе духовно-нравственной реальности, богочеловеке в противовес человекобогу присутствует в трудах Л.И. Шестова, Н.О. Лосского, С.Л. Франка. Свою философию персоналистической и экзистенциальной называет Н.А. Бердяев в работах «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» и «Свобода и рабство человека. Опыт персоналистической философии». Бог в этой традиции есть творческое начало бытия, условие преодоления внутренней телесно-психической разорванности человека, возможность сотворения человеком себя как личности и таким образом уподобления себя богу. Субъект постулируется как триединая личность. Ничто внешнее не создает личность, для этого нужно сверхличное, личность отмечена ценностным содержанием, это «прежде всего смысловая категория, она есть обнаружение смысла существования»[12]. Личность поэтому не может быть понята натуралистически (натурализм в понимании личности – одна из узких трактовок эссенциализма, присутствующая и вызывающая дискуссии в некоторых новейших гендерных исследованиях), и она не является чисто духовным началом. Это человек в телесно-психо-духовной целостности: реальность личности не может быть сконструирована аксиологически нейтрально. Экзистенция человека изначально трагична именно не данностью личности в готовом виде как факта по рождению. Если реальность телесного и психического наблюдаема сразу, то реальность духа и человека в его триадичной целостности проблематична.

Как может быть поставлена проблема реальности духа применительно к философскому учению о человеке и обществе? Первый шаг к проблематизации реальности духа (а без него нет личности как вышеупомянутого триединства) состоит в принципиальном отказе от сведения реальности к объективности, противополагаемой субъекту. В русском персонализме дух определяется скорее как «высшее качество существования, чем существование душевное и телесное. Трехчленное понимание человека как существа духовного, душевного и телесного имеет вечный смысл и должно быть удержано. Но это совсем не означает, что в человеке есть как бы духовная природа наряду с природой душевной и телесной, это значит, что душа и тело человека могут вступить в иной, высший порядок духовного существования, что человек может перейти из порядка природы в порядок свободы, в царство смысла, из порядка раздора и вражды в порядок любви

[11] *Berger P.L., Luckman T.* The Social Construction of Reality. P. 39.
[12] *Бердяев Н.А.* Я и мир объектов. С. 108.

и соединения»[13]. Реальность духа утверждает реальность истины, добра, красоты, творческой фантазии. Это сверхреальность, взятая как духовно-нравственное, ценностное измерение личности. Учение о богоподобной личности (богочеловеке) формирует экзистенциальный персонализм как русский акцент социального антиэссенциализма и – одновременно – антиконструктивизма. Речь идет об общественном идеале: «…речь может идти только о создании совершенно нового братского общества, общества персоналистического и коммюнотарного. Общество есть объект для человека, извне его детерминирующий. Его надо превратить в субъект, внутренно обозначающий коммюнотарный и социальный характер человека»[14]. Само общество может быть создано на основе общения (коммунион), противопоставляемого сообщению (коммуникации). Первое характеризуется Бердяевым между двумя равными «я», оно рождает третье – «мы» – как максимальную духовную общность, достигаемую на основе любви и соединения. Здесь проходит еще одна демаркационная линия между русским экзистенциальным персонализмом и социальным конструктивизмом как двумя антиэссенциалистскими перспективами понимания общества в виде реальности, создаваемой человеком. Жизненный мир конструируется через типизацию и объективацию результатов обыденного осмысления человеком самого себя и других людей как участников социальных взаимодействий в коммуникации посредством сигнификации, прежде всего языковой. Русский персонализм усматривает трагичность в протекании жизни в таком упорядоченном объективированном мире. Высшей и подлинной в смысле обретения личностной целостности реальностью обладает общество, которому еще только надлежит быть созданным. Со стороны общества как объекта человек – его часть; со стороны человека как субъекта – обратное соотношение. Общество как политически организованная (государственная) целостность определяется с использованием христианской метафоры – как Царство кесаря. Общественный идеал получает, соответственно, название Царства Божия, движение к которому составляет смысл истории. Бессмысленная история порабощает человека, исключает его из мессианского предназначения быть творцом истории и совершенного общественного устройства. Последнее понимается как свободная коммюнотарность, а она «…может быть лишь результатом духовного и социального движения, которые перестанут быть разделенными и противополагаемыми»[15]. Духовная природа смысла, принадлежащего надындивидуальной реальности, делает его обязательной категорией социальной философии в русском экзистенциальном персонализме, возвращающем человеку подлинную субъектность. Последняя несет в себе потенциал богочеловеческого творчества. Социально-политическое устройство общества, осмысляющее себя как самодостаточную реальность, создает иерархию, в которой подчиненное положение у человека обществу, а не наоборот. Так, государство, в своей политике утверждающее свое право давать свободу человеку, по определению делает из него раба. Свобода – категория духовная и потому может быть обретена только самим человеком,

---

[13] *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. М., 2011. С. 212–213.

[14] *Бердяев Н.А.* Царство духа и царство кесаря // *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. М., 2011. С. 585.

[15] *Бердяев Н.А.* Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М., 1993. С. 353.

в его персональном пути через ад самоотречения, в результате которого только и возможно сотворение себя как личностной целостности. И если демократия конструирует атомизированное общество арифметически слагаемого большинства, в котором критерии правоты и главенства чисто количественные, то социализм, как его видел и пережил лично Бердяев, заменяет формалистичность демократического права на содержательность права избранного класса, интересы которого совпадают со всеобщей тенденцией исторического процесса, как она определяется в марксизме. Русский персонализм отрицает такое идеологическое самообоснование: «…достойная цель, к которой устремлена народная воля, должна быть выше самой народной воли. Этой цели должна быть подчинена общественная жизнь. Но целью жизни может быть лишь духовная жизнь, и содержанием жизни может быть лишь божественное содержание. Поэтому в основу человеческих обществ должны быть положены религиозно-духовные начала, которые должны быть поставлены выше всякого самоутверждения человеческой воли»[16]. Итак, антиэссенциализм в социальной философии не исчерпывается социальным конструктивизмом Бергера – Лукмана. В русском экзистенциальном персонализме просматривается свой специфический антиэссенциалистский вектор. Эта специфика состоит в примате человека-творца над обществом и своей доличностной стадией. Творческий потенциал человека реализуется в его персональном пути создания собственной личности как богочеловека, устремленного к духовно-нравственному идеалу. Движение к этому идеалу составляет смысл истории – творение общественного порядка любви и соединения. Эта высшая духовно-смысловая реальность содержит этические абсолюты в качестве ценностных критериев вне прагматических интересов обыденной жизни индивида или социальных общностей любого масштаба.

Эссенциализм и его антонимы: о незавершенности противопоставления в социальной философии

Философская судьба русского экзистенциального персонализма не оказалась такой яркой, какой она стала для социального конструктивизма. Это прослеживается и в контексте социально-философских исследований. Кроме того, в новейшей отечественной социальной философии достаточно заметен эссенциализм как субстанциализм. Долгосрочное и далеко не у всех советских философов догматичное следование марксизму, его добротная теоретическая обоснованность, развитость категориального аппарата закрепила эссенциалистский/субстанциалистский взгляд на то, каким должно быть социально-философское исследование. Установки социального субстанциализма присутствуют у такого глубокого российского социального философа, как К.Х. Момджян. К большому сожалению, сейчас уже нет возможности вступить с ним в совместное обсуждение научного статуса философии, которую он называет валюативной, т.к. ее «интересуют смыслы человеческого существования в мире и конгениальные этим смыслам формы идеального общественного устройства… она дает нам не *знания* о мире, а адаптивно значимые *мнения* о нем. Ей не доступен язык суждений истины,

[16] Там же. С. 298.

она использует язык неверифицируемых суждений *ценности*»[17]. И далее: «Я являюсь убежденным сторонником субстанциального понимания философии, поскольку лишь оно позволяет нам сохранить весь концептуальный объем значимой философской проблематики, не жертвуя ни одной из ее частей»[18]. Хотелось бы в этой связи прояснить вопрос о наличии существенного в ценностном и в целом смысловом наполнении мира человека, а значит, и о возможностях *знаний* об этом, а не только *мнений*. Теории общества, строящиеся на базе абстракции от конструирующего потенциала сознания в духе социологии знания, каким его обнаруживали Бергер и Лукман, или от творческого начала личности в русском экзистенциальном персонализме, не учитывают как раз существенное для социума – его субъектную «прошивку», нелинейность генеративных взаимосвязей и плотную взаимную интегрированность его структур. В социальном аспекте экзистенциальный персонализм и социальный конструктивизм находят существенное в своем объекте. В связи с этим уместным выглядит вопрос об открытости или зыбкости границ внутри дихотомии «эссенциализм (субстанциализм) – неэссенциализм» в социальной философии с учетом сущностной специфики общества. Болезненность этого напряжения между эссенциализмом и социальным конструктивизмом как антиэссенциализмом, особенно острая в настоящий период жизни человечества, заставляет искать новую оптику видения существенного для общества как специфической реальности, в которой живут люди. И она обнаруживается, например, в русском экзистенциальном персонализме, исключающем вторичность личности, постулирующем обязательность надличностного духовно-нравственного идеала как смыслового наполнения общественной жизни.

Список литературы

Бердяев Н.А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого // *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. С. 254–357.

Бердяев Н.А. Дух и реальность. Основы богочеловеческой духовности // *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. М.: АСТ; Астрель, 2011. С. 209–364.

Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря // *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. М.: АСТ; Астрель, 2011. С. 557–664.

Бердяев Н.А. Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения // *Бердяев Н.А.* Дух и реальность. М.: АСТ; Астрель, 2011. С. 5–138.

Курицын А.Н., Лемэр Л.Г., Ашманов И.С., Гребенюк А.А. Великая Отечественная война. Фальсификация истории, манипуляции в социальных медиа. М.: Первое экономическое издательство, 2020.

Момджян К.Х. О структуре рефлективного философского знания // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 1. С. 128–145.

Соловьев В.С. Чтения о богочеловечестве // *Соловьев В.С.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989. С. 3–172.

Berger P.L., Luckman T. The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge. London: Penguin Books, 1991.

Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. Vol. 1: The Spell of Plato. London: Routledge & Sons, 1945.

---

[17] *Момджян К.Х.* О структуре рефлективного философского знания // Философский журнал / Philosophy Journal. 2023. Т. 16. № 1. С. 129.

[18] Там же. С. 139.

Anti-constructivism in Russian social philosophy

Yuliya M. Korotchenko

Vernadsky Crimean Federal University. 4 Vernadskogo Prospect, Symferopol, 295007, Russian Federation; e-mail: yuliyakor03@gmail.com

This article examines the anti-constructivist potential of Russian existential personalism. The gnoseological formulation of the question on the subject as subsuming itself into an object is rejected in the existential personalism of the Silver Age Russian philosophers. The author highlights the permeation of the existential-personalistic intention of the teachings of N.A. Berdyaev, who called his philosophy personalistic and existential. Russian existential personalism is represented as a movement that excludes the relativization of spiritual and moral values, while social constructivism contains the risks of such relativization. These risks are substantiated by the horizontal structure of social life proposed by social constructivism; social life is defined as the reality par excellence of individuals and social groups. This reality is created by the social subjects' consciousness activity as a result of social interactions, i.e., communicatively. The Russian philosophical tradition is dating back to the V.S. Solovyov's philosophical ideas on God-man and the reality of higher spiritual and moral guidelines as a reality par excellence, on the God-man in terms of the personal stage of human development. Human development as a development of personality is not given as a biological or communicative one, but it is a complex process that overcomes the inherent tragedy of human subordination to society, the objectification of man and leads man to the only true reality – the reality of spirit, which is inherently moral. The author substantiates the relevance of turning to the heritage of Russian existential personalism with contemporary phenomena that are products of communicative conventions being out of ethical meanings.

Keywords: essentialism, anti-essentialism, social reality, social constructivism, anti-constructivism, Russian existential personalism

For citation: Korotchenko, Y.M. "Antikonstruktivizm v russkoi sotsial'noi filosofii" [Anti-constructivism in Russian social philosophy], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal,* 2026, Vol. 19, No. 3, pp. 35–45. (In Russian)

References

Berdyaev, N.A. "Dukh i real'nost'. Osnovy bogochelovecheskoi dukhovnosti" [A Spirit and Reality. The Foundations of Metaphysics of Morality], in: N.A. Berdyaev, *Dukh i real'nost'* [A Spirit and Reality]. Moscow: AST Publ.; Astrel' Publ., 2011, pp. 209–364. (In Russian)

Berdyaev, N.A. "Ekzistentsial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo" [The Existential Dialectics of Divine and Human], in: N.A. Berdyaev, *O naznachenii cheloveka* [On the Purpose of Man]. Moscow: Respublika Publ., 1993, pp. 253–357. (In Russian)

Berdyaev, N.A. "Tsarstvo dukha i Tsarstvo kesarya" [A Kingdom of the Spirit and a Kingdom of a Caesar], in: N.A. Berdyaev, *Dukh i real'nost* [A Spirit and Reality]. Moscow: AST Publ.; Astrel' Publ., 2011, pp. 557–664. (In Russian)

Berdyaev, N.A. "Ya i Mir ob'ektov. Opyt filosofii odinochestva i obshcheniya' [I and the World of Objects. Philosophical Experience of Loneliness and Communication], in: N.A. Berdyaev, *Dukh i real'nost* [A Spirit and Reality]. Moscow.: AST Publ.; Astrel' Publ., 2011, pp. 5–138. (In Russian)

Berger, P.L. & Luckman, T. *The Social Construction of Reality. A Treatise in the Sociology of Knowledge*. London: Penguin Books, 1991.

Kuritsyn, A.N., Lemaire, L.G., Ashmanov, I.S. & Grebenyuk, A.A. *Velikaia Otechestvennaia voina. Fal'sifikatsiia istorii, manipuliatsii v sotsial'nykh media* [The Great Patriotic War.

Falsification of History, Manipulations in Social Media]. Moscow: Pervoe ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 2020. (In Russian)

Momdzhyan, K.Kh. "O strukture reflektivnogo filosofskogo znaniya" [On the Structure of Reflective Philosophical Knowledge], *Filosofskii zhurnal / Philosophy Journal*, 2023, Vol. 16, No. 1, pp. 128–145. (In Russian)

Popper, K.R. *The Open Society and Its Enemies, Vol. 1: The Spell of Plato*. London: Routledge & Sons, 1945.

Solov'ev, V.S. "Chteniya o bogochelovechestve" [Readings on God-humanity], in: V.S. Solov'ev, *Sochineniya* [Works], Vol. 1. Moscow: Pravda Publ., 1989, pp. 3–172. (In Russian)